

На правах рукописи

Мойсевич Владимир Григорьевич

**И.И. Козлов –
переводчик британских поэтов**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Омск – 2006

Работа выполнена на кафедре теории и истории журналистики и литературы Омского гуманитарного института.

Научный руководитель - доктор филологических наук, профессор
Еремеев Александр Эммануилович

Официальные оппоненты - доктор филологических наук, профессор
Лебедева Ольга Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
Ларкович Дмитрий Владимирович

Ведущая организация - Красноярский государственный педагогический университет

Защита состоится 7 февраля 2006 года в 10 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.179.02. по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Омского государственного университета.

Автореферат разослан 5 января 2006 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

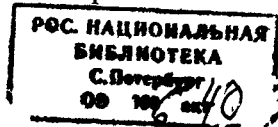

Кривоzubова Г.А.

Общая характеристика работы

Русский поэт-романтик Иван Иванович Козлов (1799-1840 гг.) известен не только как оригинальный поэт, но и как переводчик. В его творчестве переводы занимают очень важное, если не преимущественное положение, и «в них-то поэтический талант Козлова и явился своей истинной стороной и в блестящем виде» (В.Г. Белинский). Прекрасно владевший многими иностранными языками, Козлов переводил различных авторов, среди которых Л. Ариосто, Д.Г. Байрон, Р. Бернс, Ч. Вульф, Т. Гросси, Ж.Ф. Дюси, Т. Кэмпбелл, А. Мицкевич, Ф. Петрарка, А. Шенье и другие, с шести европейских языков, но основная и главная часть его переводческого творчества — переводы с английского. Не случайно, что в дальнейшем некоторые из этих переводов, утратив имя автора, прочно вошли в народный песенный репертуар и перестали восприниматься как оригинальные произведения. К таким, в частности, относятся «Вечерний звон» и «Добрая ночь». Интерес Козлова к поэзии Великобритании не угасал практически в течение всей его творческой деятельности. Характеристике переводческого наследия Козлова, его читательской рецепции в России, а также роли переводческой деятельности поэта как важного компонента системы русско-английских литературных связей посвящено данное диссертационное исследование.

Творчество Козлова не было обделено вниманием исследователей: ему посвящен ряд статей и высказываний как в прижизненной (В.Г. Белинский, П.А. Вяземский, Н.В. Гоголь, В.А. Жуковский, П.А. Плетнев, Н.А. Полевой, А.А. Тургенев и другие), так и в последующей отечественной (Ю. Айхенвальд, В.Э. Вацуро, Э.А. Веденяпина, Ц.С. Вольпе, А.Н. Гиривенко, И.Д. Гликман, А.В. Дружинин, В.М. Жирмунский, Ю.Д. Левин, В.И. Сахаров и другие) и зарубежной (Г. Баррат, Л. Лейтон, Ж. Лот, Е.В. Паландер) критике. Но несмотря на довольно значительное количество публикаций, творчество поэта до сих пор остается мало изученным. Особенно это касается его переводческой деятельности. Нередко исследователи рассматривают Козлова как оригинального поэта, игнорируя тот факт, что не менее половины общего объема его творческого наследия составляют переводы и вольные переложения (с английского, немецкого, французского, итальянского, польского и испанского языков) произведений двадцати четырех авторов. Поэтому, когда какое-либо произведение Козлова, являющееся переводом или вольным подражанием, анализируется как оригинальное творение русского поэта, то за рамками обсуждения остается иноязычный первоисточник.

Такой подход не может претендовать на полноту и научную точность, так как он не учитывает факторы межкультурной коммуникации и поэтического билингвизма, в данном конкретном случае непосредственно влияющие на творческий процесс. Кроме того, значительное количество переводов Козлова (в том числе с английского языка) никогда не становилось объектом сравнительного анализа в соотношении с оригиналом, что само по себе свидетельствует о некорректности любого заявления об «оригинальности» Козлова-стихотворца. В этой связи возникает проблема адекватности переводных произведений, в том числе с точки зрения полноты воссоздания образно-поэтической структуры оригинала.

Актуальность работы обусловлена рядом общекультурных факторов. Возросший интерес к литературе русского романтизма выдвинул задачу дальнейшего исследования проблем компаративистики, перевода и рецептивной эстетики эпохи романтизма в контексте российско-европейских литературных взаимосвязей. И.И. Козлов – один из тех, кто внес значительный вклад в развитие поэтического перевода, поэтому фундаментальное исследование его «английского» переводческого творчества дает возможность рассмотреть ряд вопросов, связанных с влиянием английской литературы и поэтического перевода на развитие отечественной литературы, особенностями бытования иноязычных художественных произведений в иной языковой и культурной среде. Козлов переводил с английского в течение почти всей своей творческой деятельности (1822-1838 гг.). Такой широкий временной диапазон позволяет проследить логику становления переводческого мастерства поэта и характер динамики литературных приоритетов эпохи русского романтизма.

Объект исследования – переводческая деятельность И.И. Козлова.

Предметом исследования являются:

- оригинальные тексты англоязычных поэтов и их переводы, выполненные Козловым (37 оригинальных текстов и 39 переводов);
- статьи и высказывания о Козлове, романтической поэзии и романтическом переводе, а также критические рецензии на переводы Козлова;
- произведения, которые переводил Козлов, в переводах других поэтов;
- произведения русской художественной литературы, темы которых родственны переводам Козлова.

Цель работы - выявить роль и место И.И. Козлова-переводчика в русском литературном процессе первой половины XIX века.

В соответствии с заявленной целью в настоящем диссертационном исследовании решению подлежат следующие задачи:

- охарактеризовать особенности творческого метода Козлова-переводчика и определить степень их адекватности современной ему переводческой традиции (школе В.А. Жуковского);

- выявить влияние трагической судьбы Козлова и его религиозных воззрений на переводческое творчество;

- определить принципы отбора Козловым англоязычного поэтического материала для перевода;

- проследить роль творчества Козлова (в том числе переводного) в становлении и развитии русского байронизма;

- осмыслить место и значение переводов из английской поэзии в творчестве Козлова, в развитии русского перевода и в становлении русского романтизма;

- проследить бытование поэтических переводов Козлова в русской литературе в исторической перспективе.

Теоретической основой данного диссертационного исследования являются работы ученых, занятых в области литературоведческой компаративистики, переводоведения, исследующих принципы и эволюцию художественного перевода, изучающих русско-зарубежные литературные взаимосвязи и историко-культурологический контекст (С.С. Аверинцев, М.П. Алексеев, М.М. Бахтин, А.Н. Веселовский, М.Л. Гаспаров, Г.Д. Гачев, А.Н. Гиривенко, В.М. Жирмунский, Е.И. Клименко, Ю.Д. Левин, А.Н. Николюкин, В.И. Сахаров, П.М. Топер, А.В. Федоров, Е.Г. Эткинд, А.С. Янушкевич и др.).

Научная новизна работы состоит в том, что впервые поэтические переводы И.И. Козлова с английского языка систематизированы и изучаются в его наиболее полном, зафиксированном литературной наукой составе; выполнен комплексный сравнительный анализ всех переводов Козлова с английского языка; в научный оборот введено значительное количество его переводов, ранее не являвшихся материалом для переводческого анализа. Все это позволяет сделать аргументированные выводы о степени оригинальности художественного мышления Козлова-поэта.

Методика анализа базируется на принципах сравнительно-исторического метода, в основе которого лежит сопоставление перевода с подлинником, рассмотренных в социокультурном контексте и в системе философско-эстетических взглядов обоих творческих субъектов.

Кроме того, в работе используется сочетание элементов историко-функционального, культурологического и биографического анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Поэтическое мышление И.И. Козлова испытало на себе влияние творчества В.А. Жуковского, сохранив при этом подлинную самостоятельность и художническую оригинальность.

2. И.И. Козлов в значительной степени повлиял на восприятие Байрона в России. Во многом благодаря его усилиям образ английского поэта, сформировавшийся в сознании русского читателя, оригинально синтезировал подлинные историко-биографические факты и поэтический вымысел.

3. И.И. Козлов-переводчик достаточно вольно интерпретировал содержание оригинальных текстов в соответствии с собственными эстетическими установками. Вместе с тем значительно раньше Жуковского он ввел в поэтическую практику перевод, максимально адекватный оригиналу, и многие его переводные сочинения оказались точнее ряда последующих версий.

4. Переводы И.И. Козлова с английского языка явились существенным вкладом в развитие практики перевода и становление поэтики русского романтизма.

5. Нередко И.И. Козлов оказывался первым в России переводчиком произведений британских поэтов, а его переводы открывали дорогу бытованию этих произведений в русской литературе, способствовали росту интереса к данному поэту и английской поэзии в целом.

Научно-практическая значимость работы заключается в том, что ее основные положения и фактический материал могут быть использованы для последующего изучения поэтического перевода эпохи романтизма, русско-английских литературных связей, при чтении вузовских курсов по истории русской литературы первой трети XIX века, спецкурсов по истории и теории перевода.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры теории и истории журналистики и литературы Омского гуманитарного института. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на межвузовской научно-практической конференции «Словесное искусство в контексте культуры» (Ишим, 1997), научно-практической конференции, посвященной 200-летию А.С. Пушкина «Пушкинские чтения» (Тара, 1999), научно-практической конференции с международным участием «Наука и образование: проблемы и перспективы» (Тара, 2005).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии, включающей 273 наименования.

Содержание работы

Во Введении обосновывается выбор темы, ее актуальность; излагается история вопроса; определяются объект, предмет, цели, задачи, методология исследования, научная новизна работы; характеризуется ее структура; формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Творчество И.И. Козлова и литературная школа Жуковского-переводчика» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Очерк становления теории художественного перевода в России (XVIII – первая треть XIX вв.)» представлены основные этапы развития художественного перевода и некоторые аспекты теории перевода в рассматриваемый период.

В частности, в параграфе говорится о том, что произведение литературы может быть понятно только носителям конкретного языкового сознания. Для иноязычного читателя знакомство с данным литературным произведением происходит только благодаря переводу, который, таким образом, становится проводником культурного обмена между народами. В процессе перевода слово должно как бы заново возродиться на другом языке, и то, насколько успешно пройдет возрождение, зависит от таланта переводчика. В силу этого художественный перевод относится к сфере искусства и подчиняется его специфическим законам.

Художественный перевод, в отличие от оригинального творчества, всегда вторичен: переводчик дает новую жизнь – в иной социально-исторической и национальной среде – уже существующему произведению искусства. Представления о художественном переводе носят исторический характер, ибо формируются под влиянием динамики национального самосознания.

Задачи, стоящие перед переводчиком, выглядят взаимоисключающими. Он творец, но рамки его творчества ограничены чужим текстом. Его творение – составная часть отечественной литературы, но в нем должны сохраниться национальные и индивидуальные особенности оригинала. Его перевод должен быть понятен современному читателю, но в то же время в нем необходимо сохранить дух времени оригинала.

Кроме того, в параграфе рассматриваются основные этапы развития художественного перевода, требования, предъявляемые к нему в различные исторические эпохи. В связи с тем, что поэтический перевод

как составная часть художественного перевода появился в России в середине XVIII века, в эпоху расцвета классицизма, исследуются основные эстетические нормы этого литературного направления, прямо относящиеся к переводческому творчеству. Даны также теоретические воззрения на перевод В.К. Тредиаковского и Н.М. Карамзина.

Более подробно рассмотрены проблемы романтического перевода, представлены взгляды на сущность и задачи художественного перевода Н.И. Гнедича, П.А. Катенина, О.М. Сомова и др. Особое внимание уделено переводческой концепции В.А. Жуковского, показана эволюция его теоретико-переводческих представлений. Отмечена роль романтического перевода в развитии отечественной литературы, создании литературного языка европейского типа.

Во втором параграфе «Особенности индивидуально-творческого метода Козлова — поэта и переводчика» отмечается, что литературная активность И.И. Козлова во многом была инспирирована рядом драматических жизненных обстоятельств: он приходит к поэтическому творчеству в зрелом возрасте после паралича ног и полной слепоты. Поэзия, наряду с глубокой верой в Бога, явилась для него тем спасительным выходом, благодаря которому он смог обрести смысл дальнейшего существования. Именно случившееся с ним несчастье максимально активизировало его латентный творческий потенциал.

В отечественном и зарубежном литературоведении утвердилось единодушное мнение о решающем влиянии Жуковского на творчество Козлова, причем диапазон высказываемых в связи с этим суждений чрезвычайно широк: от близости художественного мышления обоих поэтов и сходства в выборе тем (В.Г. Белинский, Н.М. Данилов, В.И. Маслов, И.Н. Розанов, К. Труш и др.) до прямого подражательства и даже эпигонства (Е.Н. Купреянова).

Признавая правомерность постановки проблемы творческих контактов двух поэтов-современников, мы придерживаемся мнения, что Жуковского и Козлова сближает особый склад художественного сознания, обладающего способностью к диалогической открытости и восприимчивости. Это, в частности, проявилось в том, что импульсом для их творчества часто становился чужой текст. А в качестве объекта перевода эти поэты выбирали в основном такие произведения, которые были созвучны их душевному состоянию и образу мыслей.

Хотя характер творчества Жуковского во многом определен его личным жизненным опытом, тем не менее, он не был сторонником поэтической исповеди, в отличие от Козлова, который гораздо более авто-

биографичен не только в своих оригинальных стихотворениях, но и в переводах. В поэтическом автобиографизме Козлов пошел дальше своего учителя, придав своим произведениям глубоко личностный характер, утвердив их темой перипетии собственной судьбы. И в этом поэт пользовался поэтическим инструментарием, заимствованным им у Жуковского, который разработал совершенный метод передачи душевных переживаний поэтическими средствами.

Подобно Жуковскому и многим другим романтическим поэтам, переводившим произведения иностранных, прежде всего европейских авторов (К.Н. Батюшков, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, и др.), Козлов не считал себя обязанным строго следовать оригиналу, и точность передачи первоисточника зависела от его собственных поэтических задач. Как правило, это происходило в тех случаях, когда речь шла о таких важных для Козлова понятиях, как вера, любовь, дружба, страдание. («Прости», «Не на земле ты обитаешь», «Ирландская мелодия»). Нередко оригинальный текст становился основой для выражения его сугубо собственных настроений, чувств, мыслей («К Филону», «К полевой маргаритке», «В альбом»).

Будучи глубоко верующим человеком, поэт выбирал для перевода произведения, соответствующие его умунастроению, а также усиливал в них религиозную составляющую. Присутствие и роль божественного начала не только в поступках и мыслях людей, но и в окружающей природе, библейские сюжеты, широкая гамма переживаний молящихся или кающихся людей - все это стало у Козлова предметом поэтического переосмысления. Если в оригинальном тексте об этом говорилось невнятно или вскользь, то у Козлова приобретало четкие очертания. Если в оригинале на это был намек, то в переводе эта тема звучала в полный голос («Сонет» («Прелестный вечер тих, час тайны наступил»), «Сельский субботний вечер в Шотландии», «Португальская песнь»).

Так как героями переводов Козлова нередко оказывались люди с трудной судьбой (герои-одиночки, изгои, разбойники, преступники и т.п.), то переводчик всегда находил способ выразить свое отношение к ним с точки зрения христианской морали. При этом у него не происходило подмены понятий: он неизменно был верен христианским ценностям. Протестующий, страдающий от несовершенства окружающего мира герой, совершивший преступление, оставался для него несчастным, возможно, заслуживающим сочувствия, но все-таки грешником. И единственным способом спасения такого человека и его души, по мнению Козлова, было познание Бога и искреннее раскаяние.

Вместе с тем переводы Козлова во многих случаях оказываются точнее переводов Жуковского. Козлов мог изменить тональность стихотворения, сместить акценты, добавить, по его мнению, недосказанное. Он мог отвлечься и, например, после обращения шотландского поэта Р. Бернса к своей родине обратиться к Матери-Руси. Но он избегал изменений сюжетного хода повествования, купирования некоторых значимых героев, как это иногда практиковал Жуковский.

Различие между Козловым и Жуковским также проявилось в сфере личных интересов и предпочтений. Как известно, Жуковский чрезвычайно высоко оценивал немецкую романтическую поэзию, что не могло не сказаться на его переводческом творчестве: большинство поэтических переводов выполнено поэтом с немецкого языка (Бюргер, Гете, Шиллер). Козлов, напротив, отдавал предпочтение произведениям английских поэтов, и больше всего у него переводов из Байрона.

В отличие от Жуковского, чье влияние на Козлова в основном рассматривалось критиками как гармоничное и естественное, заимствование Козловым байроновских мотивов предстает как сложный и противоречивый процесс. Нередко его рассматривали (А. Бестужев-Марлинский, Ц.С. Вольпе, Л.В. Гинзбург и др.) через призму господствующего влияния Жуковского и отмечали сходство обоих поэтов в творческом восприятии английского романтика. Увлечение Козлова творчеством английского романтика было гораздо более глубоким, устойчивым и сохранялось до конца его жизни, чего нельзя сказать о Жуковском, который к середине 1820-х годов почти полностью охладел к Байрону.

Характерной чертой Козлова как переводчика англоязычных поэтов было увеличение стихового объема в переводных текстах по сравнению с оригиналом. Это имело место в 17 переводах из 39 («К Филону», «Байрон в Колизее», «Вечерний звон» и др.). Было бы ошибкой полагать, что причиной этой особенности Козлова оказались существенные грамматические различия двух языковых систем или неспособность его как переводчика донести до читателя содержание стихотворения, не прибегая к количественному увеличению текста. Существует целый ряд переводов, где Козлов сохранил в неприкосновенности и размер, и количество строк оригинала («Добрая ночь», «К Тирзе», «Ирландская мелодия» («Луч ясный играет на светлых водах») и др.). По нашему мнению, сохранение количества строк оригинала не являлось целью переводчика. Он сознательно шел на увеличение объема стихотворения, если это было необходимо для решения задач, которые он перед собой ставил, приступая к переводу того или иного произведения.

Другой отличительной особенностью переводческого метода Жуковского, которую успешно перенял Козлов и которая не осталась незамеченной критиками (М.П. Алексеев, В.М. Жирмунский, Ю.Д. Левин и др.), было характерное для поэтов-романтиков стремление заменять конкретные черты оригинала абстрактно-эмоциональными, продиктованными романтической стилистикой. Нередко изменялось или опускалось указание места и времени действия, исчезали какие-то присущие данному произведению характерные черты, но появлялись типичные для романтических произведений образы, пейзажи, описания, усиливались чувства, переживания героев, что, естественно, создавало иную эмоционально-лирическую тональность произведения. Все это зачастую приводило к тому, что, хотя сюжеты оригиналов и переводов были схожи, вновь созданные произведения приобретали принципиально иной художественно-выразительный облик («Озеро мертвой невесты», «Сон ратника», «На погребение английского генерала сира Джона Мура»).

Жуковский, разрабатывая принципы романтического перевода, много экспериментировал с новыми размерами, многие из которых впоследствии прочно вошли в русскую поэтическую практику. Что касается Козлова, то он в основном следовал уже сложившейся метрической традиции. В частности, Козлов не использовал гекзаметр в своем творчестве и не переводил прозу стихами. Хотя он был одним из немногих, кто, подобно Жуковскому, применял при переводе некоторых произведений Байрона размеры со сплошными мужскими окончаниями, что характерно для английской поэзии, однако это было отнюдь не характерно для русской.

В отличие от Жуковского, поэта чрезвычайно широкого жанрового диапазона (поэма, послание, ода, басня, сказка, сатирические стихи, проза и т.д.), что проявилось и в его переводном творчестве, жанровое разнообразие лирики Козлова гораздо скромнее: поэма, стихотворение, послание, романс, мелодия, фантазия. Это можно объяснить степенью таланта, личными предпочтениями и различным социальным положением поэтов. Кроме того, одним из основных жанров в творчестве Жуковского является жанр баллады. Именно в балладах в наибольшей степени проявились романтические устремления поэта. В связи с тем, что из 39 написанных им баллад только пять являются его оригинальными произведениями, можно говорить о преобладании заимствованных мотивов в балладном творчестве Жуковского. Не менее важное место занимает баллада и в творчестве Козлова. Однако большинство его баллад (9 из 14) — оригинальные произведения, хотя во многих из них можно услы-

шать отзвуки сюжетов и мотивов как из русского фольклора, так и из европейской фантастической баллады (появление привидений, мотив глубокой тайны, недосказанность, выход мертвецов из могил и т. д.).

Во второй главе «И.И. Козлов – переводчик Д.Г. Байрона» представлен анализ всех переведенных русским поэтом произведений Байрона. В первом параграфе «К вопросу о количестве переводов И.И. Козлова из Д.Г. Байрона» уточняется общее число целых произведений и отрывков из поэм Байрона, которые переводил Козлов.

Д.Г. Байрон, оказавший решающее влияние на творчество русского поэта, соответственно представлен в его переводах: каждый четвертый поэтический перевод Козлова – перевод из Байрона. Для сравнения: второй по частотности переводов в творческом наследии Козлова зарубежный поэт А. Мицкевич представлен 404 стихотворными строками (20 стихотворений), в то время как Байрон – 2717 строками.

По вопросу о том, сколько Козлов сделал собственно переводов из Байрона, существуют различные версии, и этому в немалой степени способствовал сам поэт, который прямо указал на авторство Байрона только в 10 случаях, включая стихотворение «На отъезд», имеющее подзаголовок «Стихи, написанные лордом Байроном в альбом одной итальянской графине за несколько недель до отъезда своего в Мессолунги» и являющееся на самом деле оригинальным сочинением русского поэта. По мнению исследователей (М.П. Алексеев, Г. Баррат, Э.А. Веденяпина, Ю.Д. Левин, И. Эйгес, В. Яковлев), Козлов сделал от 18 до 21 перевода из Байрона.

На основании анализа опубликованной литературы о русском поэте-переводчике, стихотворений Байрона и Козлова мы пришли к выводу, что в общей сложности И.И. Козлов выполнил 23 перевода байроновских поэтических текстов (1 поэмы, 12 отрывков из поэм и 10 лирических стихотворений). Русский поэт полностью перевел поэму Байрона «Невеста абидосская», 6 отрывков из поэмы «Паломничество Чайльд-Гарольда», по одному отрывку из поэм «Корсар», «Гяур», «Лара», «Осада Коринфа», «Дон Жуан», драматической поэмы «Манфред» и 8 стихотворений (к стихотворениям "Sun of the Sleepless" и "If that High World" он обращался дважды).

Кроме того, однострочные эпиграфы к своим стихотворениям «Сон», «Бейрон», поэтической фантазии «Не наяву и не во сне», второй части поэмы «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», а также двухстрочные эпиграфы к стихотворениям «К Вальтеру Скотту», «Ночь на реке», «Витязь», поэме «Безумная» Козлов заимствовал из различных

стихотворений и поэм Байрона. Из этих 23 переводных сочинений 11 - переводы полных стихотворных текстов, 12 - фрагменты (как правило, от 2 до 6 строф) из поэм английского романтика. Три из них: «Не на земле ты обитаешь», «Из Байронова «Дон Жуана», «Из Джияура», - по собственной оценке И.И. Козлова, являются вольными переводами.

В результате анализа полученных данных выяснилось, что:

- 20 стихотворений Козлова написаны ямбом, 13 из которых - четырехстопным ямбом и 4 - пятистопным;
- русский поэт сохранил размер оригинала в тринадцати своих переводах, слегка преобразовал его в шести и кардинально изменил в четырех;
- в своих стихотворениях Козлов использовал восемь различных стихотворных размеров, причем шесть из них он использовал всего лишь по одному разу.

Как видно, в метрическом плане Козлов следует норме своего времени. Более 80 % указанных стихотворений написаны ямбическим стихом, подобно Пушкину, Баратынскому, Батюшкову, Вяземскому.

Характерно, что более активно русский поэт обращался к Байрону в период с 1822 по 1829 годы (18 переводов из 23). Наибольшее количество переводов приходится на 1828 год (7 текстов, в том числе четыре отрывка из четвертой песни «Паломничество Чайльд-Гарольда»).

Русский поэт-переводчик увеличил, по сравнению с оригиналом, количество строк в десяти своих переводах, в то время как не уменьшил ни в одном. Увеличение числа строк варьируется от 100 % («В альбом», «К Филону») до 1 % («Ночь в замке Лары»). Интересно, что повторное обращение Козлова к уже переведенным им стихотворениям ("Sun of the Sleepless", "If that High World") приводило в числе прочих изменений к соответствию количества строк перевода количеству строк оригинала.

Во втором параграфе «Отрывки из поэм Д.Г. Байрона в переводе И.И. Козлова» анализируются переведенные русским поэтом отрывки из байроновских поэм. Отрывок из первой песни «Паломничество Чайльд-Гарольда» - «Добрая ночь» - является частью XIII строфы и, в свою очередь, состоит из 10 строф, отличных от структуры всей поэмы. Впервые к «Прощальной песне» обратился А.С. Пушкин, который в 1820 году использовал её отдельные мотивы в своей элегии «Погасло дневное светило». И.И. Козлов выполнил полный перевод этой песни в 1824 году.

Неоднократно отмеченная исследователями (Г. Барратт, Л. Лейтон, Л.И. Никольская) отличительная черта Козлова как переводчика

Байрона – отождествление образов самого поэта и его лирического героя – нашла подтверждение в «Прощальной песне». Душевное состояние героя показано в драматический момент его жизни – прощания с берегами родной отчизны. Решительный шаг сделан – герой порывает с прошлым и мчится навстречу неизведанному будущему. «Прощальная песнь» не только полная драматизма лирическая исповедь поэта-изгнанника, вынужденного искать пристанище на чужбине, но и художественно обобщенный психологический портрет «сына века», стремящегося порвать с ненавистным ему миром и окунуться в новую, неизведанную, полную приключений и опасностей жизнь. Построенная в форме развернутого обращения «Прощальная песнь» представляет собой лирико-драматический монолог, плавно переходящий от раздумий героя о своей нелегкой судьбе к обращению к спутникам и приветствию морским волнам и новым берегам.

Сравнительный анализ оригинальных строф с переводом показывает, что русский поэт стремился как можно полнее воссоздать на русском языке стилистические и стихотворные особенности английского текста. Однако уже в первой строфе у Козлова появляются традиционные сентиментальные ноты, обусловленные стремлением «подправить» те места из Байрона, которые кажутся ему «грубоватыми», не соответствующими его пониманию и видению момента. Так, например, третья и четвертая строки первой строфы Байрона: [«Вздых ночных ветров, рёв буруна, пронзительно кричит дикая морская чайка...»] преобразуются у него в: «Касатка вьётся, ветер ночной / Играет в парусах...».

Модификация образов указывает на намеренное творческое переосмысление исходного текста. Козлов прибегает и к явным поэтическим условностям: касатка (вид ласточки) не летает над открытым морем и не кричит громко и пронзительно. Касатка имеет еще одно значение (милая, дорогая), что придает строкам нежный сентиментальный оттенок, отсутствующий у Байрона. Если в оригинале лирический герой прощается с родиной, то у Козлова к словам прощания добавляются слова о прощении, что сразу же меняет тональность всего стихотворения: «Мой край родной, прости, прости. Ночь добрая тебе!».

В то же время Козлов сумел в своем переводе полно и эмоционально передать фольклорный характер «Прощальной песни», который выражен в построении диалогов, избыливающих повторами, нагнетанием параллельных синтаксических конструкций, в перекличке зачинов строф и отдельных стихов друг с другом. Кроме этого, он в своем переводе попытался передать поэтическую структуру английских строф, их архитектуру

нику и эвфонию, для чего перевел всю песню в соответствии с оригиналом перекрестной рифмой, используя многочисленные ассонансы и аллитерации, создавая присущую оригиналу мелодичность стиха. Повидимому, не случайно эта песня прочно вошла в народный песенный репертуар, нередко подвергалась преобразованиям и, превратившись в популярную народную «арестантскую» песню, в таком виде была много раз записана собирателями русского фольклора. В частности, в измененном виде отрывок из этой песни, озаглавленной «Проснется день; его краса...», Ф.М. Достоевский записал в свою записную книжку, относящуюся ко времени его пребывания в Омском остроге 1849-1853 гг., а затем перенес в «Записки из мертвого дома» (ч.1, гл.10).

Если в «Прощальной песне» море выступает в роли элемента лирического пейзажа, обрамляющего развитие действия и выполняющего роль дополнительно значимого образа-лейтмотива, то 178–183 строфы 4-й песни «Паломничество Чайльд-Гарольда» посвящены морю целиком. Козлов так и назвал свой перевод, посвященный А.С. Пушкину, «К Морю». Образ моря в поэзии Байрона явился символом свободы, силы, независимости, непокорности. Поэтому для Козлова образ моря непосредственно ассоциировался с личностью самого Байрона, такого же гордого и одинокого, властелина чувств и мыслей целого поколения.

Козлов точно передает основную идею данного отрывка, не добавляет ничего, что придало бы стихотворению иной оттенок, стремясь при этом, по мере возможности, сохранить образный строй оригинала. Тем не менее, кроткий христианин не может не выразить своего отношения к поступкам, противоречащим его нравственным и религиозным убеждениям. Так, если у Байрона человек, владеющий «подлой силой» (“the vile strength he wields”), несущий смерть и разорение на земле, посмеив вторгнуться на море, погибает, но погибает несломленным: “He sinks into thy depths with bubbling groan, / Without a grave, unknell’d, uncoffin’d, and unknown” [«Он опускается в твои глубины, стenea и пуская пузыри, без могилы, не преклонив колени, без гроба, неизвестный»], то Козлов отказывает «злодею» в праве на достойную смерть: «Идет на дно, где скрыт его и след, - / И он не в саване, не в гробе, не отпет».

Любовь – одна из важнейших жизненных ценностей русского поэта, и его выбор для перевода 121-й строфы 4-ой песни вполне объясним, так как в ней говорится именно о любви. Но Козлов употребляет это слово в ином значении, чем Байрон. У Байрона “(love) haunts the unquench’d sole” – [(любовь) преследует неудовлетворенную душу], т.е. не дает покоя. У русского поэта она «успокаивает пыл души». Для Байрона любовь – это

сильное земное чувство, свойство мятежного свободного духа, буйная страсть, которая принесла самому поэту не только наслаждение, но и немало горя. Для парализованного поэта-слепца, творчество которого, как и оригинальное, так и переводное, проникнуто глубоким религиозным чувством, любовь – это синоним его искренней веры, успокоение, надежда, ибо один из постулатов христианства гласит: «Бог есть Любовь». Именно с этой точки зрения Козлов понимает любовь в своей жизни, и именно так он преобразует основную мысль английского поэта в своем переводе.

Третий параграф «Лирика Д.Г. Байрона в переводе И.И. Козлова» посвящен анализу переводов отдельных стихотворений Байрона. Первое переведенное Козловым стихотворение, изданное в 1822 году, называется «В альбом». Стихотворение посвящено "Светлане" (А.А. Воейковой), что нашло отражение в заглавии первой публикации («К С<ветлане>е»). Стихотворение, выбранное русским поэтом для перевода, было написано Байроном в 1809 году во время его заграничного путешествия и называлось "Стихи, написанные в альбом, на Мальте" ("Lines written in an album, at Malta"). Причина, побудившая И.И. Козлова обратиться к данному стихотворению английского поэта, вероятно, объясняется как интересом к личности Байрона, так и интересом к онтологической проблематике его сочинения.

Исключив из заглавия своего стихотворения конкретное географическое название (Мальта), русский поэт как бы дистанцируется от Байрона (перевод был напечатан без отсылки к оригиналу) и дает понять, что его послание имеет частный характер. Козлов сохранил размер оригинала (4-стопный ямб), количество строф (2), увеличив при этом объем текста в два раза - с 8 до 16 стихов. Есть основание предполагать, что Козлов сознательно пошел на расширение перевода, т.к. увеличение объема текста осуществлено за счет переосмысления идеи оригинала и насыщения его новыми нюансами субъективных лирических переживаний.

В анализируемом стихотворении лирический герой Байрона обращается к читателю с просьбой вспомнить его, когда тот увидит его имя на могиле или на странице книги. Козлов довольно точно передает первую строфу стихотворения, хотя вполне очевидно, что он находился под влиянием переведенного Жуковским «Сельского кладбища» Т. Грея. Изменения переводчик произвел во второй строфе. У Байрона мы видим уход от конкретики, для него смерть – закон общечеловеческого бытия, довлеющий над человечеством. У Козлова основная идея первой строфы проецируется на его личную судьбу, глобальную проблему он рас-

сма́тривает на частном примере. Так, седьмая строка оригинала "Reflect on me as on the dead" [«Подумай обо мне как о мертвом»] переведена Козловым точно и полно: «Ты мертвым уж считай меня», но это ему кажется недостаточным, и он усиливает смысл высказывания, добавляя фразу «Чем жизнь цветет, мне миновалось». Личный характер этого дополнения обусловлен драматическими обстоятельствами жизни русского переводчика (эти строки были написаны вскоре после его полной парализации и потери зрения).

Но наиболее принципиальные изменения предстают в двух последних строках перевода (которые соответствуют одной последней строке Байрона). Здесь очевидное и умышленное отступление от текста оригинала. Ср.: "And think my heart is buried here". [«И вспомни, что здесь похоронено *моё* сердце»] и «Лишь верь тому; что у *тебя* / *Моё* здесь сердце *всё* осталось» (Курсив наш - В. М.). Используя глагол «верь», Козлов сознательно изменяет мысль Байрона, привнеся в стихотворение глубоко личный смысл (следует вспомнить о посвящении к "другу милому моему", т.е. А.А. Воейковой).

Благодаря этим изменениям стихотворение Козлова в целом приобретает новые смысловые оттенки в сравнении с оригиналом. Это уже не столько результат осознания мимолетности и ничтожности жизни, сколько вера, что жизнь прожита не зря, если в ней были любовь и дружба, если кто-то будет грустить, вспоминая тебя.

Вторым переводом И.И. Козлова из Байрона стало стихотворение "Fare Thee Well" [Прощай!], написанное английским поэтом в марте 1816 года и адресованное покинувшей его жене Анабелле Мильбанк. Русский поэт, предпослав своему переводу подзаголовок «Прости. Элегия лорда Байрона на разлучение супругов. (Перевод с английского)», изначально меняет тональность и внутреннее содержание оригинала, так как лирический герой Байрона вовсе не просит прощения у своей бывшей жены. Наоборот, он сам не может простить свою бывшую супругу: "Even though unforgiving, never against thee my heart rebel" [«Сердце мое, хотя простить оно не может, никогда не восстанет против тебя»]. Эта конкретная мысль совершенно изменяется в русском переводе: «Пусть ты безжалостна — с тобою / Вражды мне сердца не снести».

Стихотворение Байрона наполнено энергией и чувством, это крик души сильного и гордого человека, оскорбленного и обиженного не только высшим обществом, но и той, кого он считал самым близким человеком. В результате же внесенных переводчиком изменений перевод

потерял значительную часть своей огненной энергии, превратившись из прощания гордого бунтаря в христианские слова прощения и сожаления.

В третьей главе «Лирика поэтов Британии в переводах И.И. Козлова» рассматриваются все остальные поэтические переводы Козлова с английского языка. В первом параграфе уточняется общий состав поэтических текстов британских поэтов, переведенных И.И. Козловым. Всего русский поэт осуществил 16 переводов произведений семи британских поэтов.

Во втором параграфе анализируются произведения ирландских поэтов Т. Мура и Ч. Вульфа в переводе И.И. Козлова. Русский поэт сделал 7 переводов из Мура, при этом большинство его переводов явилось первыми переводами данных произведений на русский язык. Популярность переводов Козлова была так высока, что его нередко называли «русским Муром». Например, мастерски выполненный перевод романса из первой вставной поэмы в «Лалле Рук» (“The Veiled Prophet of Khorassan” – «Хорасанский пророк под покрывалом») явился первым стихотворным переводом из «Лаллы Рук» на русский язык и очередной переводческой удачей Козлова. Он был напечатан под заглавием «Из поэмы Лалла Рук», позже стал называться «Романс». «Романс» пользовался известностью отдельно от «Лаллы Рук», он был четыре раза положен на музыку (В.Г. Кастриото-Скандербеком, Н.М. Подуханиным, А.И. Стрелинским, В.Т. Соколовым), постоянно печатался в хрестоматиях лирических стихотворений и песенниках. Кроме того, следует сказать, что А. Фет в своем стихотворении «Я тебе ничего не скажу» (1885) использовал один из ярких словесных образов лирики Козлова – «сердце цветет», который он заимствовал из «Романса».

Но наибольший успех выпал на долю перевода стихотворения Т. Мура “Those Evening Bells” [«Эти вечерние колокола»], названного Козловым «Вечерний звон». Сила художественного воздействия этого стихотворения такова, что оно стало неотъемлемой частью русской песенной культуры, заняло свое достойное место среди лучших образцов русской классической поэзии.

На первый взгляд, переводчик вполне добросовестно следует здесь оригиналу. Тем не менее, четырехстрочную строфу Мура русский поэт передает шестью строками, при этом он сохраняет парный способ рифмовки, композицию образов и, что самое важное, размер оригинала (4-стопный ямб), в результате чего точное соблюдение ударений этого размера обеспечивает четкий ритм перевода. Использование парной рифмы с мужским окончанием также способствует ритмичности стихотворения.

Первую строку стихотворения, содержащую ключевую фразу "Those evening bells", Козлов перевел как «вечерний звон», что в высшей степени оправдано и с лексической, и с фонетической точек зрения. Дело в том, что эту английскую фразу можно перевести и как «звон этих вечерних колоколов», а английские сонорные согласные [l], [ŋ] и звонкая согласная [z] создают эффект колокольного звона. Но и в русском переводе слышится перезвон, который образуется чередованием сонорных согласных [л], звонкой согласной [з] и гласных «е – е – и – о» и заканчивается как бы ударом колокола – гласной «о».

Второй стих первой строфы русский переводчик передал в более возвышенном стиле: «как много дум наводит он». Для перевода остальных двух стихов этой строфы ему потребовалось четыре своих. Слова английского поэта о «юности и доме» получили расширенное толкование в русском тексте: «О юных днях в краю родном, / Где я любил, где отчий дом». Кроме того, мотив разлуки, обозначенный Муром одним словом "last" (в последний раз), у Козлова был усилен горестным «Навек простясь».

Перевод Козлова является прекрасным образцом звукоподражательной поэзии. Об удивительном эффекте этого стихотворения вспоминает академик Ф.И. Буслаев: «Читая его наизусть, я не просто выговаривал слова, а как бы звонил ими, воображая себя сидящим на колокольном»¹. Тема колокольного звона, поднятая переводом Козлова, нашла свое продолжение в творчестве других русских поэтов (Д.В. Давыдова, Е.П. Ростопчиной, А.А. Фета, Я.П. Полонского и др.).

Еще одно стихотворение И.И. Козлова, прочно вошедшее в сокровищницу русской поэзии, – «На погребение английского генерала сира Джона Мура» – перевод стихотворения ирландского поэта Ч. Вульфа «Похороны сэра Джона Мура при Корунье» ("The Burial of Sir John Moore at Corunna"). В стихотворении рассказывается о похоронах генерала Д. Мура (1751 – 1809), командовавшего английскими войсками в Португалии во время войны с Наполеоном и убитого в сражении возле крепости Корунья.

В своем переводе Козлов довольно точно передал содержание оригинала, но в его версии проявляется характерная для него редукция конкретных деталей и описаний, а также более глубокий психологизм и усиление эмоционального напряжения. Так, из перевода исчезает название крепости, место расположения могилы (крепостной вал), а конкрет-

¹ Буслаев, Ф.И. Мои воспоминания [Текст] / Ф.И. Буслаев. - М., 1897. - С. 77.

ные действия врага, топчущего могилу («the foe and the stranger would tread o'er his head» [«враг и иноземец будет ходить над его головой»]), передаются расплывчатым «не уважит». Здесь же проявилась характерная черта Козлова-переводчика: стремление «русифицировать» переводимый текст. Несмотря на заглавие, в котором говорится о погребении английского генерала, в переводе Козлова устранены элементы, напоминающие о его английском первоисточнике. Так, исчезает «британец» и появляются «родимые руки», а генерал дважды назван «товарищем», чего нет в оригинале. Обращение «товарищ» бытовало в русской армии, но не было распространено в английской. Кроме того, использование таких слов, как «ратники», «дружина удалая», «перун вестовой», заимствованных из русской истории, придают стихотворению отчетливый национальный колорит.

Впоследствии «На погребение английского генерала сира Джона Мура» приобрело широкую известность. Стихотворение исполняли в музыкальном сопровождении, на мотив которого была написана позднее революционная песня «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Перевод Козлова лег в основу стихотворений М.Ю. Лермонтова «В рядах стояли безмолвной толпой...», М.И. Цветаевой «Нет, бил барабан перед смутным полком...».

В третьем параграфе рассматриваются переводы шотландских поэтов В. Скотта, Р. Бернса и Т. Кэмпбелла. В 1829 г. в Петербурге была издана брошюра «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова», являвшаяся, как и было заявлено в заглавии, вольным переводом стихотворения Р. Бернса «The Cotter's Saturday Night» [«Субботний вечер поселянина»]. Это издание сыграло значительную роль в знакомстве русского читателя с творчеством шотландского поэта и способствовало его известности в России. Выбор русского поэта-переводчика можно объяснить его глубокой религиозностью, покорностью воле судьбы, ибо эти мотивы созвучны поэтическому умонастроению Бернса. Кроме этого, в данном произведении переводчика привлекла поэзия крестьянского труда, идиллические семейные отношения, атмосфера любви, дружбы. Эпиграф, заимствованный Козловым из «Сельского кладбища» Томаса Грея, указывает на подражание сентименталистам и элегические мотивы, присутствующие в произведении.

Русский переводчик сравнительно полно и точно передал содержание и тональность оригинала, особо выделяя при этом мотив трудолюбия, смирения, строгого соблюдения религиозно-нравственных норм поведения и повиновения Божьей воле. Строфы, воссоздающие библей-

ские сюжеты и евангельские притчи, переведены Козловым особенно тщательно, ярко и образно, что само по себе характеризует мировоззренческие приоритеты поэта.

С патриотической тематикой связано стихотворение «Сон ратника», написанное в 1828 году и посвященное событиям русско-турецкой войны. В произведении повествуется о конкретном эпизоде войны, в то время широко обсуждавшемся в обществе, — осаде русскими войсками турецкой крепости Варна. Так как к стихотворению не было дано никаких примечаний, то никто из современников не мог предположить, что данная работа русского поэта является вольным переводом стихотворения шотландского поэта Томаса Кэмпбелла «Сон солдата» (Thomas Campbell, 1777-1841. "The Soldier's dream"). То, что это не оригинальное стихотворение, а перевод, установил Ю.Д. Левин лишь в середине XX века.

Козлов существенно русифицировал свой перевод: в его тексте с первых строк становится понятно, что речь идет об осаде русскими войсками турецкой крепости, так как луна (полумесяц) является символом ислама и, кроме того, изображена на государственном флаге Турции. В отличие от оригинала, не конкретизирующего место проживания героя стихотворения, Козлов поместил его родных и близких в реальное, узнаваемое место — центральную европейскую часть России, на берег реки Клязьмы, таким образом еще более дистанцировав свой перевод от оригинала и придав ему вид оригинального стихотворения.

Одну из двух переведенных им баллад В. Скотта Козлов озаглавил «Беверлей» и дал переводу подзаголовок «Шотландская баллада». В оригинале этот отрывок называется «Песня леди Херон» ("Lady Heron's Song") и представляет собой строфу XII из пятой песни поэмы В. Скотта «Мармион». Очень интересно примечание, данное Козловым этой балладе, — «Вольное подражание из Вальтера Скотта», что является весьма неожиданным, так как она переведена гораздо точнее, чем некоторые другие переведенные им стихотворения и отрывки из поэм, которые он считал переводами, а не вольными подражаниями.

Четвертый параграф посвящен анализу переводов произведений У. Шекспира и У. Вордсворта. Русский поэт перевел песню Дездемоны из трагедии У. Шекспира «Отелло» (акт 4, действие 3). Многие исследователи (Ю. Айхенвальд, П. Барзаковский, Ю.В. Лебедев и др.) отмечают удивительную музыкальность данного перевода, его близость народной песенной традиции, а В.Г. Белинский приводит его в качестве примера таких стихотворений, в которых практически отсутствуют границы, от-

деляющие поэзию от музыки: «Этот стих «О ива, ты, ива, зеленая ива», не выражающий никакого определенного *смысла*, включает в себе глубокую *мысль*, отрешившуюся от слова, бессильного выразить его, и превратившуюся в звук музыкальный... И потому-то этот стих так глубоко западает в душу и волнует ее мучительно-сладостным чувством неутолимой грусти»².

Переведенный «Тридцатый сонет» из цикла «Разные сонеты» У. Вордсворта (“Miscellaneous Sonnets”) Козлов назвал просто «Сонет». «Тридцатый сонет» - один из наиболее личных и искренних в творчестве английского поэта. В некоторых сборниках поэта этот сонет называется «Вечер на пляже в Кале» (“Evening on Calais Beach”), так как считается, что в стихотворении описаны реальные события – прогулка поэта со своей дочерью по пляжу.

До того как приступить к переводу данного сонета, Козлов ознакомился с его французским переводом, выполненным Сент-Бев-Делорма. Поэтому и появляются в его переводе следующие строки: «Такой окружена сидела тишиною / Мария, как пред ней явился Гавриил». Этих строк нет в оригинале, но они есть во французском переводе. Используя оба текста, Козлов рисует картину ощущения божественного проявления и образ ребенка, который подвержен божественному влиянию. Что касается точности перевода, то тут переводчик довольно далеко отошел от оригинала, о чем он сам и сообщил, дав своему переводу подзаголовок «Вольное подражание Вордсворту».

Перевод более религиозно окрашен в сравнении с оригиналом. У Козлова «молитву солнце льет», в то время как у Вордсворта [«ясное солнце опускается в своем спокойствии»] “The broad sun is sinking down in its tranquility”. В английском стихотворении явления природы дают автору понимание божественного происхождения мира и зависимости судьбы человека от божьей воли. В русском варианте природа еще и славит творца, создавшего наш мир: «Внимайте! Бесконечный, / Подобно грому, звук гремит хвалою вечной / Тому, кто светлый мир так дивно сотворил».

В **Заключении** подводятся итоги исследования:

1. Поэтическая и переводческая деятельность И.И. Козлова формировалась и развивалась в русле эстетической концепции В.А. Жуковского. Но существенные различия творческих систем двух поэтов позволя-

² Белинский, В.Г. Разделение поэзии на роды и виды [Текст] / В.Г. Белинский // Собрание сочинений в 9 томах. М., 1978. - Т.3. - С.298.

ют сделать вывод о том, что И.И. Козлов далеко вышел за пределы литературного эпигонства и достиг уровня оригинальной художественной самобытности.

2. Личная трагедия наложила особую печать на все творчество И.И. Козлова, и во многих его произведениях можно найти отголоски пережитых им страданий. Но было бы ошибкой считать, что поэт был полностью замкнут на своих внутренних переживаниях. Его творчество, в том числе переводное, пронизано мотивами свободы и патриотизма, созвучными общественным настроениям и ожиданиям современной ему эпохи.

3. Все творчество И.И. Козлова проникнуто глубоким религиозным чувством. Вера стала для него той духовной основой, которая дала ему силы выстоять в борьбе с телесным недугом, вывела из состояния отчаяния и душевной подавленности. Кроткое христианское смирение, покорность воле Провидения, невозможность обретения истинного счастья без веры в Бога, надежда на лучшую долю в ином мире – все это нашло отражение в его творчестве, в том числе переводном.

4. Критерием выбора произведений для перевода И.И. Козлов определил не степень известности автора, а характер соответствия иноязычного текста его личному умунастроению, его собственной эстетической концепции. Это отчасти объясняет тот факт, что произведения разных английских поэтов, переведенные Козловым, приобретают черты схожести, на них накладывается отпечаток личности переводчика. Это связано и с тем, что Козлов, разделяющий точку зрения В.А. Жуковского на перевод как разновидность оригинального творчества, не считал себя обязанным всегда строго следовать подлиннику.

5. И.И. Козлов, как поэт романтического склада мироощущения, тяготел к созданию идеального типа личности, подверженной жестокому «гонению рока», но способной достойно ему противостоять. Квинтэссенцию такой личности Козлов персонифицировал в образе Байрона, где оригинально соединились факты действительной биографии поэта и характерные черты его лирических героев. Но русского поэта привлекала не только судьба, но и само творчество английского романтика: новизна художественных принципов и способов их решения. Чуждый общественно-политической проблематике, Козлов подходил к выбору произведений Байрона для перевода весьма избирательно. Но если в поле байроновского текста все же оказывались вопросы острого социально-политического звучания, то они передавались русским переводчиком с высокой степенью поэтической экспрессии, свойственной оригиналу.

Идеализированный образ Байрона Козлов создавал в основном средствами не переводных, а оригинальных произведений («Бейрон», «Венецианская ночь», «На отъезд»), в которых великий «гражданин мира» изображался пламенным борцом, великим мыслителем, неутомимым поборником свободы.

Работа завершается изложением перспектив дальнейшего исследования поставленной проблемы.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Мойсевич, В.Г. Светлана: А.А. Воейкова – муза И.И. Козлова [Текст] В.Г. Мойсевич // Ежегодник. Гуманитарное знание: Серия Премственность. Выпуск 1. - Омск, 1997. – С. 40-42.

2. Мойсевич, В.Г. И.И. Козлов – современник А.С. Пушкина [Текст] / В.Г. Мойсевич // Пушкинские чтения: к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. - Тара, 1999. – С. 27-28.

3. Мойсевич, В.Г. О переводах И.И. Козлова из Байрона [Текст] / В.Г. Мойсевич // Филологический вестник. - Тара, 2000. – С. 16-21.

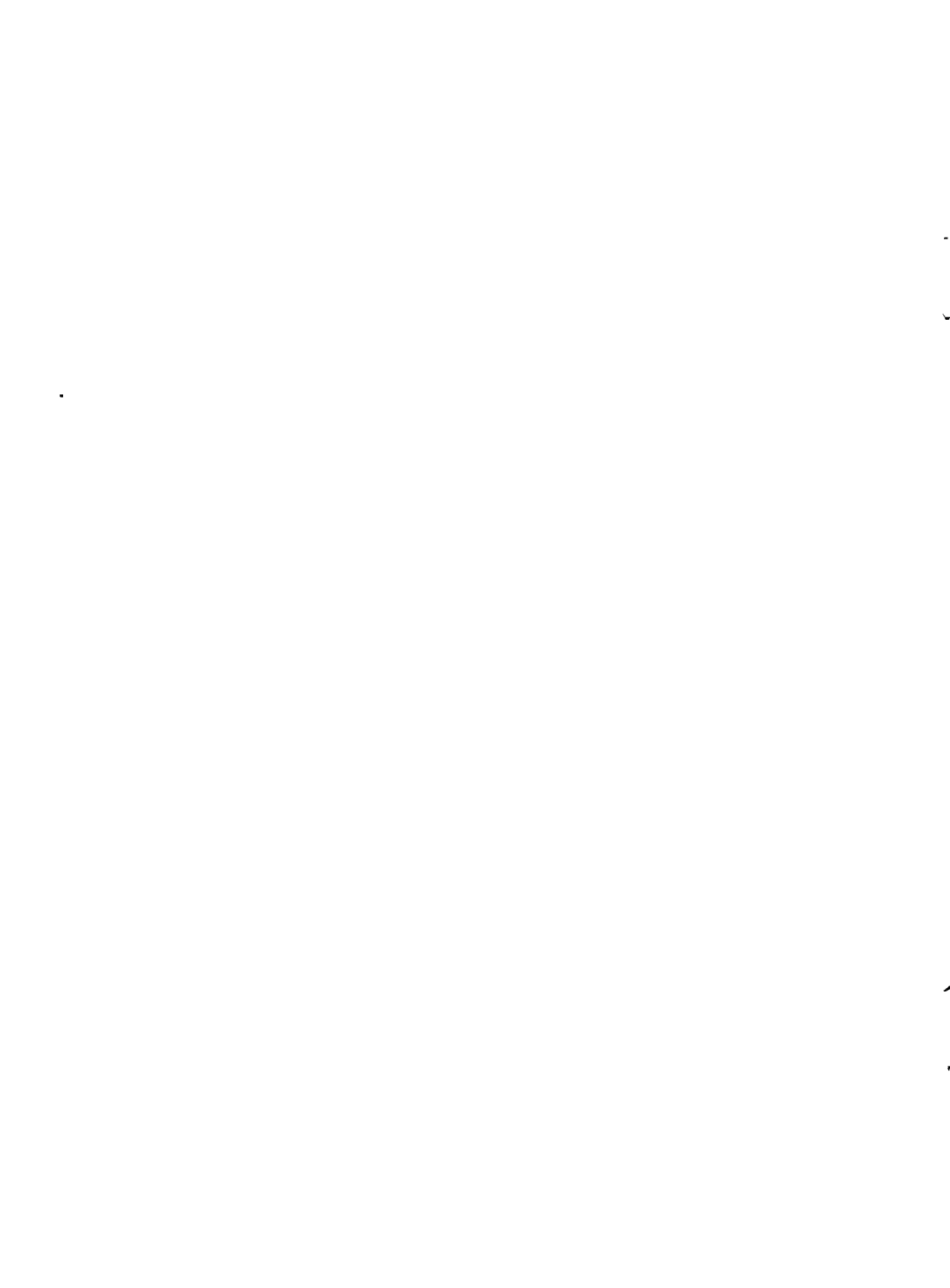
4. Мойсевич, В.Г. Стихотворение Д.Г. Байрона «Солнце бессонных» (“Sun of the Sleepless») в переводах И.И. Козлова. [Текст] / В.Г. Мойсевич // Материалы научно-практической конференции. 15 мая 2003 года. - Тара, 2003. – С. 112-116.

5. Мойсевич, В.Г. Стихотворение Т. Кэмпбелла «Сон солдата» (“The Soldier’s Dream”) в переводе И.И. Козлова [Текст] / В.Г. Мойсевич // Наука и образование: Проблемы и перспективы: Материалы научно-практической конференции с международным участием. 24-25 марта 2005 года: Часть 2: Гуманитарные науки. - Тара, 2005. – С. 180-182.

6. Мойсевич, В.Г. «В альбом» И.И. Козлова [Текст] / В.Г. Мойсевич // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. - Омск, 2005. – №7. - С. 95-98.

7. Мойсевич, В.Г. «К морю» И.И. Козлова [Текст] / В.Г. Мойсевич // Вопросы литературы и журналистики: Сборник научных трудов. – Омск, 2005. – С.61-64.

Заказ № 1/720 Тираж 100 экз.
Отпечатано в КМЦ ТФ «ОмГАУ».
646530 г. Тара, ул. Тюменская, 18, тел. 2-02-40

2006A
994

06-994